

Глава 691: Починить сломанный мост жизненной силы

Две недели спустя.

Сюй Цин так и не вернулась.

Мэн Хао лежал в окружении холода и гробовой тишины. Его тело не тронуло разложение, впрочем, оно не тронет его ещё долгое время. В нём отсутствовали какие-либо признаки жизни. Он был мёртв.

В теории его душа должна была войти в цикл реинкарнации, однако из-за магнита Девятой Горы и Моря в Пещере Перерождения его душа была запечатана и не была способна рассеяться. К тому же его душа не покинула тело, отчего существа, которые были бы не прочь полакомиться его душой, вынуждены были просто наблюдать за ним. Со временем они заметили опутывавшую душу Мэн Хао нить шёлка.

«Если не разорвать шёлк, то невозможно будет уничтожить гусеницу. Но, пока не уничтожена гусеница, невозможно разорвать шёлк!»

Жизнь и смерть висели на тонкой нити... Безглазой Гусеницы! Она навеки сохранит душу Мэн Хао, даже после того, как не станет его тела. Такая странная комбинация взаимоисключающих обстоятельств оставила его в промежуточном состоянии, не виданном ни на Небе, ни на Земле! В каком-то смысле это соответствовало заклинанию Дивергенции Души, но это было не перерождение.

Ещё через две недели снаружи Пещеры Перерождения появился человек. Это была не Сюй Цин, а толстый мужчина в расцвете сил. При виде этого толстого, практически сферического мужчины в голове почему-то вспыхивало слово "вульгарный". Его лицо было усыпано веснушками, а даосский халат был запахнут слишком уж плотно. Выпирающее над туго затянутым ремнём пузо создавало довольно дисгармоничную картину. Судя по всему, сам он считал себя крепко сбитым и накачанным. Из-за его спины торчал сияющий золотым светом двуручный меч.

Этот Толстяк был старым знакомым Мэн Хао, и звали его Ли Фугуй.

В гордом одиночестве дрожащий толстяк на большой скорости влетел в область, окружающую Пещеру Перерождения. Его лицо заметно побледнело.

— Будь оно всё неладно! Мэн Хао, Мэн Хао, твои аферы когда-нибудь загонят меня в могилу! И старшая сестра Сюй, эх...

Толстяк выглядел расстроенным, но всё равно продолжал лететь вперёд без остановки, несмотря на то, что его жизненная сила медленно сгорала.

На отметке в три тысячи метров он закашлялся кровью. Из него тотчас вылетело несколько разноцветных лучей света. В каждом из них находился образ медитирующего старика.

— Я — единственный наследник линии крови секты Золотого Мороза, дурачье! — взревел Толстяк. — Признаю, у меня не так уж и много атакующих или ещё каких-то сокровищ, но чего у меня в избытке, так это оберегающих сокровищ!

Сложно было сказать, сколько оберегающих сокровищ было у Толстяка, но с этими лучами света он смог пройти ещё полтора километра. Но тут их сияние начало тускнеть. Больше он не

был сферической формы. Увядание плоти затронуло и его телосложение, теперь он стал заметно стройнее.

— Мэн Хао мой старший брат. Для него я готов пожертвовать своей плотью... эх... ничего, пару пиров и всё вернётся в норму.

С воем Толстяк помчался вперёд. К этому моменту он похудел настолько, что стал напоминать нормального человека. При этом из его тела то и дело раздавался треск. Его источником были раскалывающиеся оберегающие сокровища.

— Проклятье, ещё тысяча метров. Старшая сестра Сюй убивается горем из-за Мэн Хао. Я даже не знаю, жива ли она ещё или нет... Теперь всё зависит от меня. Если я не доберусь до конца, то буду жалеть об этом до конца своих дней!

Глаза Ли Фугуя налились кровью. С рёвом он вытащил ещё кучу оберегающих сокровищ и, не обращая внимания на чахнувшее тело, прошёл ещё двести пятьдесят метров. К этому моменту его жизненная сила достигла предела. У него начало темнеть в глазах. Если он пойдёт дальше, то погибнет. Без огромного количества оберегающих сокровищ и целебных пилюль, созданных для усиления жизненной силы, он бы ни за что не добрался так далеко.

— Семьсот пятьдесят метров! — воскликнул он, со слезами на глазах глядя на невысокую гору. За внешним фасадом невозмутимости скрывалась тревога за Мэн Хао. Когда он узнал о ситуации своего старшего брата, то сразу бросил все дела и поспешил сюда. В место, где не было места живым. В его сердце Мэн Хао всегда был и будет его старшим братом! Тем самым старшим братом, с которым они делали первые шаги на пути культивации в секте Покровителя.

— Мэн Хао, я сделал всё, что мог!!! — в слезах воскликнул он.

Он поднял руку, в которой был зажат чёрный флакон для пилюль, окружённый вращающимся чёрным гало. Как только он поднял флакон, аура смерти в округе резко усилилась.

В то же время скрывающиеся в глубинах Пещеры Перерождения потоки воли показались снаружи. Все они сейчас смотрели на флакон в руке Толстяка.

Он стиснул зубы, а потом что есть силы швырнул флакон в сторону Пещеры Перерождения. Превратившись в чёрный луч света, он растворился в тёмной пещере. Толстяк закашлялся пурпурно-чёрной кровью. Продолжая усыхать, он резко развернулся и в луче света полетел в противоположную сторону от пещеры. Улетал он с тяжёлым сердцем и слезами на щеках.

— Мэн Хао, ты должен переродиться... и выбраться оттуда!

Брошенный им флакон приземлился в Пещере Перерождения. Потоки воли хотели было начать драться за него, как вдруг женщина холодно хмыкнула. Разумеется, снаружи этого никто не слышал, но потоки воли в страхе задрожали.

Одновременно с этим из глубин пещеры показалась властная воля, которая подхватила флакон. А потом она превратилась в красивую женщину, пославшую Сюй Цин за пилюлей. Одним взглядом она заставила остальные потоки воли разлететься по своим уголкам в Пещере Перерождения. Женщина подошла к телу Мэн Хао и посмотрела на флакон у себя в руке.

Долгое время она просто стояла.

Сюй Цин так и не вернулась. Именно этого она и ожидала, когда отсылала её прочь. Она полагала, что вдали от любимого к влюблённой Сюй Цин вернётся ясность рассудка и она трезво оценит всю глупость своего поведения и решит спасти свою собственную жизнь. Но сейчас воплощение доброты Запредельной Лилии почувствовало, как дрогнуло её сердце.

— Она не пришла, — мягко сказала женщина, — но она прислала вместо себя человека с пилюлей. У гонца оказались невероятные сокровища, защищающие его душу от уничтожения...

Она не знала подробностей, но было нетрудно догадаться, что произошло. Бедняжке Сюй Цин пришлось заплатить страшную цену, чтобы добыть целебную пилюлю.

Женщина вздохнула.

— В моей жизни нет ничего, кроме печали... Здесь нет перерождения. Возможно, перерождения вообще не существует. Но я пообещала ей, я дала слово... Я существую уже слишком... слишком долго. Во мне не осталось желания жить. Раз так, то почему бы не помочь ей?

Женщина долго смотрела на флакон в её руке, а потом резко сжала пальцы. Флакон лопнул, и оттуда вылетела целебная пилюля, которую женщина сразу же проглотила. Её до этого иллюзорное тело внезапно стало материальным. Теперь она обладала плотью и кровью.

— Как же приятно вновь получить тело из плоти и крови, хоть это и не навсегда... — тихо сказала она. В этот раз её голос не был иллюзией. — Я помогу ей. Тогда-то она узнает, насколько прочна людская верность. Она увидит, какое решение примет последний наследник лиги Заклинателей Демонов, когда придёт время отсекал эмоции. Не подумай, я делаю это не для того, чтобы помочь тебе, я делаю это ради неё, — объяснила она. — Когда придёт время, мы узнаем, станет ли она такой же, как я, или нет. Я серьёзно отношусь к данным клятвам. Много лет назад я была так же верна ему, поэтому я помогу девочке, которая хочет пройти по моим стопам. Я прибыла в Пещеру Перерождения не в поисках смерти, а перерождения. Я хотела начать всё с чистого листа. Хотела отсечь прошлое и наконец выйти отсюда свободной. Но в этом месте... здесь нет перерождения! Зато здесь есть моя длинная жизнь, которую я могу использовать, чтобы починить сломанный мост твоей жизненной силы!

Женщина призвала к себе чёрный камень триста метров в ширину, половина которого была закопана в земле Пещеры Перерождения. Чёрный камень задрожал, а потом от него отломился кусок и приземлился перед женщиной. Она подняла осколок и раздавила его в чёрный порошок, которым посыпала тело Мэн Хао.

Другой рукой она выполняла магические пассы. Перед глазами женщины пролетали прекрасные воспоминания. После длинной паузы она надавила двумя пальцами на лоб одревеневшего трупа Мэн Хао.

Как только её пальцы коснулись кожи, до этого неподвижное тело дёрнулось. В это же время женщина начала медленно усыхать с пяток. Её жизненная сила, её энергия, её всё сейчас уносилось в Мэн Хао через пальцы.

Смотря на окружающую их тьму, в её разуме вспыхнули воспоминания. Она увидел себя и человека, которого была не в силах забыть.

— Если ты будешь жить, буду жить и я. Если ты умрёшь, умру и я... Я тоже когда-то так говорила, — прошептала она. В то время как её тело увядало, Мэн Хао восстанавливался. Больше он не выглядел древним, теперь в нём появились признаки жизни.

— В то время я смотрела на тебя, а ты на меня... С того дня я везде сопровождала тебя. Прошла с тобой множество невзгод и опасностей... Когда тебе было больно, я чувствовала боль. Когда ты улыбался, я была счастлива. Я знала, что ты не раз пытался избавиться от меня, но в сомнениях ты всегда останавливался в последний момент.

Её ноги полностью усохли, превратившись в корни, соединяющие её с землёй. Жизненная сила женщины вливалась в Мэн Хао, наполняя его жизнью, возвращая на его лицо краски. Вместо старика на земле теперь лежал мужчина средних лет. Вливаемая жизненная сила заполняла зияющую пустоту внутри Мэн Хао.

— Я также знала, что у тебя есть твоя жена, твоя секта, твои обязанности и твоя миссия. Тебе принадлежало всё. Но у меня... у меня был только ты. Даже моё имя я получила от тебя. Мне нравилось, когда ты называл меня Дáну... Если ты постареешь, я постарею вместе с тобой... Я тоже так говорила.

Чарующий голос женщины был красив, загадочен и полон боли. К этому моменту её тело почти полностью увяло. Её жизненная сила превратила Мэн Хао в молодого человека, коим он когда-то был. Если не считать закрытых глаз, к нему вернулся его прежний облик.

— Однако нас с этой девочкой разнит одно обещание, которое она так и не дала: если ты обретёшь Бессмертие, тогда и я... стану бессмертной вместе с тобой! Я никогда не разобью твоё сердце. Никогда не сделаю тебе больно. Но во время той зари, в день перемен, когда ты отсёк свои эмоции, я зарыдала... Я взяла всю свою доброту и оставила в гробу на дне моря Млечного Пути. Я не виню тебя... Если кого и стоит винить, так это меня... ведь я была ненастоящей женщиной, а лишь... Запредельной Лилией, которая полюбила тебя.

Перед её глазами внезапно предстал образ её самой — красивой Запредельной Лилии, посаженной глубоко в теле мужчины. Прожив внутри него столько лет... она полюбила своего носителя.